

Из истории собрания Ростовского музея и его изучения (утраченный рисунок В.В. Верещагина)

Е.В. Ким

Предметом настоящего исследования служит хранившееся некогда в Ростовском музее и здесь же утраченное или затерявшееся произведение В.В. Верещагина – его рисунок с загадочной судьбой и весьма показательной историей хранения и изучения. В Ростовский музей эта работа поступила в апреле 1919 г., вскоре после кончины ее владельца – друга художника, бывшего собирателя и хранителя Ростовского музея церковных древностей И.А. Шлякова, последовавшей, согласно разным версиям, 14 или 21 марта того же 1919 г.¹ Этот небольшой по размерам рисунок попал сюда вместе с некоторыми вещами, фотографиями, книгами и личным архивом Шлякова, находившимися в его доме на Ярославской улице. Особо и сразу подчеркнем, что в состав архива входило свыше двухсот адресованных Шлякову писем Верещагина 1888-1903 гг., большинство из которых дошло до наших дней в подлинниках, хранящихся теперь, как известно, в Государственном архиве Ярославской области.

Произведение было включено в музейную Книгу поступлений лишь пять лет спустя, в 1924 г. Здесь читается следующая краткая запись: «Рисунок художника В.В. Верещагина «Проект дачи в Юрьевской слободе». Бумага, чернила, 0,12 x 0,205 (т.е. 12 x 20,5 см. – Е.К.) Из вещей Ив.А. Шлякова»². Вторая и несколько более поздняя относящаяся к рисунку запись, внесенная в том же 1924 г. в Инвентарную книгу, гораздо более подробна и содержательна. Она является основным источником наших представлений об утраченном произведении. Прежде чем тщательно

¹ День смерти И.А. Шлякова точно не установлен. В опубликованном Д.А. Ивановым некрологе (Известия Ярославского кредитного союза кооператоров. № 6 1919 г. С. 27) указана дата 14 марта. В 2003 г. Т.В. Колбасовой в РФ ГАЯО было обнаружено датированное 24 апреля 1919 г. заявление заведующей отделом социального обеспечения начальнику Ростовской уездной милиции: «В пятницу 21 сего марта умер гр. Шляков...» См.: Колбасова Т. Наследство И.А. Шлякова // Ростовская старина. № 107. С. 4. Е.И. Крестьянинова, основываясь на датированной 9 марта 1919 г. записи в Синодичной книге Спасо-Яковлевского монастыря «на 40 Шлякова новопрест Петра, Иоанна 100 руб.», предложила еще одну, ошибочную, дату смерти – 9 марта. – Синодичная книга Спасо-Яковлевского монастыря. Ростовская старина. № 145. С. 6; ошибка повторена в кн.: Крестьянинова Е.И., Никитина Г.А. Граждане Ростова: история ростовского купечества. Ростов, 2009. С. 240. Авторы не учли того обстоятельства, что в монастыре использовался юлианский, а не общегражданский григорианский календарь.

² ГМЗРК. Отдел фондов. Книга поступлений. № 48011.

проанализировать текст этой записи, процитируем его целиком: «Рисунок В.В. Верещагина (в скобках недописанная дата его рождения «18...» и через дефис год гибели — 1904-й) «Проект дачи художника в Юрьевской слободе, Ростовского уезда. Набросано изображение домика в русском стиле, сверху — план первого и 2-го этажей домиков. В багетн. золоч. рамке, под стеклом. Бум., чернила. 0,12 x 0,205. Из письма Верещагина к И.А. Шлякову. Из вещей Шлякова. Следы сгибов бумаги»³.

Как видим, здесь повторены те же данные о размерах рисунка, технике исполнения и представленная в названии иконографическая атрибуция изображения, с несколько расширенными сведениями топографического характера (уточняется местонахождение Юрьевской слободы — «в Ростовском уезде»). В документе отмечена не только жанровая принадлежность рисунка — одного из архитектурных проектов Верещагина, но и стилистическая доминанта задуманной им постройки — «в русском стиле», т.е. с ориентацией на формы древнерусского или традиционного крестьянского зодчества, либо одновременно на то и на другое. Таким образом, принадлежавший некогда Шлякову рисунок уже в музейном инвентарном описании был поставлен в один ряд с давно известной и к тому времени опубликованной другой графической проектной работой Верещагина — эскизом фасада Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве в том же «русском стиле», уже тогда хранившейся в Третьяковской галерее⁴. В этом рисованном проекте использованы мотивы московской деревянной и кирпичной архитектуры XVII в., в том числе, царского дворца в селе Коломенском. Эта проектная работа Верещагина несомненно была знакома автору инвентарного описания, поскольку старый номер журнала «Искусство и художественная промышленность», с ее репродукцией, сопровождавшейся суждениями самого художника о русском стиле в материале «В.В. Верещагин как архитектор», хранился и до сих пор хранится в библиотеке музея⁵.

Более широкий круг источников дает возможность априори и со всей определенностью утверждать, что изображенный на проектом рисунке дом предполагалось строить из дерева — другого строительного

³ ГМЗРК. Отдел фондов. Инвентарная книга. X 924/24.

⁴ ГТГ. Каталог собрания. Рисунок XIX века. Т. 2. Книга первая. А-В / Отв. редактор Я.В. Брук. М., 2007. С. 354. № 2384 (с ошибочной датировкой первой половиной 1880-х); Кириченко Е.И. Эскиз фасада здания Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве В.В. Верещагина и некоторые проблемы искусства второй половины XIX века // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Сб. ст. Вып. 3 / Ред.-сост. И.В. Рязанцев. М., 1997. С. 217; Ким Е.В. Архитектурно-проектные рисунки В.В. Верещагина (проблемы атрибуции и датировок) // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. XV научная конференция. В печати.

⁵ В.В. Верещагин как архитектор. Публикация Н.П. Собко // Искусство и художественная промышленность. 1898. № 1. С. 99-100.

материала Верещагин для себя не признавал. Родившись в деревянном особняке в городе Череповце, обитая в таком же в ранние детские годы в родовом имении Пертовке на Шексне, Василий Васильевич, будучи известным уже художником, построит себе тоже деревянные дома-мастерские сначала в Мезон-Лаффит под Парижем, и много лет спустя в Нижних Котлах⁶.

В том и другом из рассматриваемых фондовых документов Ростовского музея указан, и как нам предстоит убедиться, ошибочно, конкретный топоним якобы предполагавшейся проектом постройки — Юрьевская слобода в полутора верстах от Ростова Великого. В музейной Инвентарной книге впервые упомянуто и обрамление, в котором работа была принята на хранение и в дальнейшем, по крайней мере, несколько лет пребывала в музее — рамка из золоченого багета со стеклом. Это важное свидетельство того, что рисунок как дорогое воспоминание о знаменитом друге-художнике украшал, вместе с подарком Верещагина — его большого размера фотографическим портретом работы известного фотографа А.О. Карелина, домашний кабинет И.А. Шлякова, а не пылился в одной из многочисленных папок и связок его архива⁷.

Здесь же читаем, что на рисунке, над изображением проектируемого здания, «сверху» был начертан «план первого и 2-го этажей домиков». Это описание не совсем точно и, одновременно, весьма ценно, если обратить внимание на выражение «план домиков», во множественном числе. Забегая несколько вперед, отметим, что это был не поэтажный план, а планы двухкамерной постройки в виде двух примыкающих друг к другу разновысоких деревянных клетей — конструкции, восходящей к архитектурным формам древнерусского хоромного строения. Весьма ценно и свидетельство Инвентарной книги о том, что рисунок был извлечен «из письма Верещагина к Ив. Ал. Шлякову», чем и объясняется наличие на нем «следов сгибов бумаги». При этом бросается в глаза отсутствие в инвентарном описании датировки этого письма, и, соответственно, данных о времени создания самого рисунка.

Нет никаких сомнений в том, что столь содержательное описание основывалось на результатах исследовательской работы безвременно скончавшегося в 1925 г., в возрасте 23 лет, сотрудника Ростовского музея

⁶ Ким Е.В. Верхневолжский цикл В.В. Верещагина и проблемы русского стиля в творчестве художника // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Сб. ст. Вып. 12. Ред.-сост. И.В. Рязанцев. М., 2009. С. 231, 234-236, 241, 245-246.

⁷ А.О. Карелин сделал фотопортрет В.В. Верещагина во время посещения художником Нижнего Новгорода. 25 июля 1888 г. В.В. Верещагин писал И.А. Шлякову: «Я получил от Карелина 2 больших портрета, из коих один, позвольте предложить Вам, на добрую память!». ГАЯО. № 51 по описи Л.Г. и Е.Л. Гузановых. После смерти И.А. Шлякова портрет поступил в Ростовский музей, но не сохранился. Один из отпечатков фотопортрета хранится в Нижегородском музее-заповеднике и экспонировался на выставке «Андрей Карелин. Портрет в интерьере» в ГИМе в 2006 г. (вне каталога).

древностей С.Н. Иванова – автора статьи «Письма В.В. Верещагина к И.А. Шлякову», оставшейся неопубликованной и впоследствии утерянной⁸. При всем критическом отношении к ошибочной атрибуции рисунка как проекта дома в Юрьевской слободе, нельзя не отметить значения собранного и обобщенного начинающим талантливым, хотя еще не очень опытным исследователем, фактического материала, почерпнутого из писем художника.

Рисунок Верещагина не получил отражения в опубликованной исследовательской литературе ближайших десятилетий, ни разу и нигде не упоминался и не репродуцировался. Он не вошел также в сводный список всех сохранившихся в музеях СССР живописных и графических работ Верещагина, опубликованный в 1958 г. в первом издании монографии А.К. Лебедева⁹. Не вошел и не мог войти, поскольку еще 31 января 1952 г., по итогам проверки музейных фондов, был исключен из собрания, как не оказавшийся в наличии или невыявленный¹⁰. Впервые рисунок был кратко упомянут тридцать пять лет спустя, в 1993 г. в статье Е.В. Брюхановой «В.В. Верещагин и Ростов». «У Верещагина – писала тогда исследовательница, – Ростовская земля вызывала, очевидно, самые искренние и теплые чувства. Известно, что он мечтал о даче в Юрьевской слободе в непосредственной близости от Ростова»¹¹. Совершенно справедливый сам по себе научный вывод о теплых чувствах и мечтах художника документирован вполне конкретным примечанием – ссылкой на вышепротитированную запись в музейной Инвентарной книге, но в более чем странной интерпретации, вместившей в трех строках сразу две

⁸ Ким Е.В. И.А. Шляков и художественная жизнь в Ростове (Часть I. 1880-1890-е гг.) // ИКРЗ-2003. Ростов, 2004. С. 52. Памяти С.Н. Иванова в Ростовском музее, к сожалению, не повезло. Часть хранящихся здесь ценных материалов его архива дошла в разрозненном виде. Подготовленные им работы не опубликованы, местонахождение их рукописей не установлено. В двух изданиях альбома В.И. Вахриной и Е.В. Гладышевой «Иконы Ростова Великого» его изображение на групповом фото ошибочно аннотируется как изображение Геннадия Константиновича Шлякова (на С. 11). Между тем, его фото имеется на студенческой зачетной книжке (ГМЗРК. ОРКРИ. А-1) Еще раньше Е.В. Брюхановой приведена неверная дата его смерти – 1928 г., вместо правильного 1925-й. Брюханова Е.В. История комплектования и экспонирования предметов декоративно-прикладного искусства в Ростовском кремле // ИКРЗ-2001. Ростов, 2002. С. 318. Е.И. Крестьянинова и Г.А. Никитина неверно указали сроки, а также характер его деятельности как в музее, так и в других организациях Ростова. Ложным оказалось утверждение о хранении ряда статей С.Н. Иванова «в архиве Ростовского музея», местонахождение которых в настоящее время не установлено. Крестьянинова Е.И., Никитина Г.А. Граждане Ростова... С. 248. Ср.: Ким Е.В. «...Выдающийся работник с научным будущим» // «Ростовская старина» №97.

⁹ Лебедев А.К. В.В. Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1958. С. 327-362.

¹⁰ Дата ордера об исключении рисунка из собрания указана в Инвентарной книге. ГМЗРК. Отдел фондов. Х924/24.

¹¹ Брюханова Е.В. Верещагин и Ростов // СРМ. Вып. V. Ростов, 1993. С. 151.

фактических ошибки, легко выявляемых при обращении к оригиналу документа¹².

На раннем этапе собственных разысканий на эту тему у меня, в отличие от моей предшественницы, не было возможности проверить по архивным документам достоверность атрибуции рисунка как проекта дома в Юрьевской слободе по той простой причине, что тогда соответствующий фонд ГАЯО, начиная с 1997 г. много лет находившийся в переработке, не был доступен для исследования. Такая возможность появилась у меня с началом работы над научным комментарием для издания хранящихся в этом архиве писем Верещагина, адресованных, главным образом, И.А. Шлякову, а также А.А. Титову и некоторым другим лицам, и подробно отражающих пребывание, творческую и общественную деятельность художника в Ростове Великом, Ярославле, Костроме и их окрестностях на рубеже 1880-1890-х гг.

В этом обширном эпистолярном материале выделяются несколько писем, имеющих косвенное отношение к нашему рисунку и послуживших основанием для казавшейся правдоподобной, а на самом деле, ошибочной его атрибуции. Отметим сразу, что ни одного прямого упоминания о каком-либо проектом рисунке или работе над ним в этих письмах не содержится. Ни разу, нигде и никогда Верещагиным не был, что также весьма показательно, упомянут топоним «Юрьевская слобода». Первое краткое, всего в три слова упоминание «о доме около Ростова», без каких-либо подробностей, в том числе, касающихся конкретного местонахождения предполагаемой постройки, читается в письме Верещагина к Шлякову, датированном концом июля 1888 г. Письмо было отправлено из Москвы сразу же после возвращения художника из Ростова. До этого, в течение целого месяца он жил и работал в окрестностях города, в местности, которую сам называл в своих письмах «Ишня». Еще Е.В. Брюханова справедливо отмечала неясность этого топонима, поскольку «официально в те годы слободы с таким названием не существовало»¹³. Однако вполне правдоподобному предположению исследовательницы, что Верещагин мог обозначать таким образом свое пребывание в селе Богослов на Ишне, как будто бы противоречит то обстоятельство, что ему хорошо было известно историческое и современное официальное название этого села. Учитывая то обстоятельство, что летом 1888 г., отказавшись от предложения Шлякова расположиться в свободном во время каникул здании Ростовского городского училища, Верещагин снял на месячный срок загородный дом на реке Ишне, принадлежавший Александру Николаевичу Мясникову, я,

¹² Брюханова Е.В. Верещагин... С. 152. Утверждение о том, что «в старой инвентарной книге под 1924 г. значился под № Х924/24 рисунок В.В. Верещагина (1888-1904) и проект дачи художника в Юрьевской слободе», не соответствует действительности. Ср.: Ким Е.В. И.А. Шляков и художественная жизнь в Ростове... С. 54.

¹³ Брюханова Е.В. Верещагин и Ростов... С. 150.

со своей стороны и тоже в порядке гипотезы, предполагаю, что этот дом располагался где-то ближе к родовому гнезду ростовских Мясниковых — Юрьевской слободе, однако не в самом селении, а, судя по контексту писем, на находившемся на некотором от него расстоянии отдельном земельном участке. То, что это не была обыкновенная деревенская изба, засвидетельствовал сам художник, упомянув в одном из позднейших писем «комнатки в доме Мясниковых» — загородной дачи, сдававшейся владельцем на летние месяцы с некоторыми бытовыми услугами, например, со стиркой, глажением и доставкой белья. Если наше предположение о местонахождении этого дома верно, оно, кажется, объясняет причины и позднейшей ошибочной атрибуции рисунка, основанной, возможно, на местном предании, и, с другой стороны, отсутствием упоминаний собственно Юрьевской слободы в письмах Верещагина.

В начале мая следующего, 1889 г., пожив некоторое время в доме в той же загадочной местности «Ишня», а затем отправившись на лечение в Кисловодск, Верещагин уже не «мечтает», но решительно действует, озаботив письмом и своего ростовского друга срочными поисками участка под столь же срочное строительство дома в любом пригодном месте в окрестностях сразу нескольких городов, обозначив, однако, ряд строго определенных условий. Решение перебраться из окрестностей Парижа в Россию им уже было принято, но здесь у Василия Васильевича не было никакой крыши над головой, которая бы подходила для привычного ему образа жизни и творческой деятельности. В одном из позднейших писем тому же адресату он сформулирует свои требования в отношении основной части будущей постройки: «Мне нужна большая мастерская, т.е. большой зал с огромными окнами, специально для моих занятий устроенных...»¹⁴. При этом речь шла вовсе не о даче в сельской местности, как потом будет записано в Музейной инвентарной книге, а о доме-мастерской для постоянного проживания и работы. Василий Васильевич предпочитает, навсегда покинув Мезон-Лаффитт, поселиться в окрестностях Ростова, на берегу реки Ишни, неподалеку от любимого им древнего деревянного храма с открывающимся дивным видом на сказочной красоты город, но время не терпит, и содержание его многочисленных тогдашних писем во все не свидетельствует об обязательности именно ростовского варианта. «Можно ли рассчитывать на место под Ростовом, или искать в других палестинах? — спрашивает он Шлякова в конце мая 1889 г. И тут же решительно добавляет: «Крепко надобно остановиться на чем-нибудь и начать постройку»¹⁵.

Помимо бескорыстного и обязательного Ивана Александровича, в поиск места для строительства к тому времени уже включен взявший на себя обязанности платного уполномоченного некто И.Н. Фомин — гласный Ростовской городской думы. Одновременно переговоры об аренде участка

¹⁴ ГАЯО. № 81 по описи Л.Г. и Е.Л. Гузановых

¹⁵ ГАЯО. № 66 по описи Л.Г. и Е.Л. Гузановых.

близ села Нижние Котлы под Москвой ведет от имени Верещагина сын настоятеля Вознесенской церкви в селе Коломенском о. Павла Кроткова. «На нет и суда нет, относительно места на Ишне» — сообщает художник в Ростов 5 июня и в том же письме набрасывает для совета со Шляковым план участка у Нижних Котлов со схематическим обозначением дороги, оврагов, реки, кладбища, поручая ему «понюхать» это место, а заодно и «нюхнуть» «местечко около больницы» в Ярославле — выставленную на продажу загородную дачу местного богача Кокуева. Тогда же Шлякову придется осмотреть и забраковать из-за непомерной арендной платы участок на окраине Москвы, принадлежавший крестьянам с. Новинского, о котором, вероятно, на условии комиссионных, «хлопотал» по поручению Верещагина еще один его «агент» — служащий Московского учетного банка. Но мысль о Ростове не дает Василию Васильевичу покоя и, через две недели после отказа от ростовского варианта, он снова возвращается к нему, правда, тут же смиряясь с невозможностью приобрести здесь подходящий участок. Вот отрывок из письма его к Шлякову от 18 июня того же 1889 г. «Нельзя ли осмотреть место близ Ростова, что около озера по железной дороге. Железная дорога необходима. Я устрою сходни и буду одною ногою в Москве. Так же чтобы место было возвышенное. Попросите об этом Фомина. Чем больше найдет мест, тем лучше, будет из чего выбрать. Хоть и дальше от Москвы, только бы не далеко от железной дороги. <...> Пусть Фомин пошлет ходока по железной дороге к Москве и по Волге от Ярославля до Твери. Место должно быть высокое, на крутом берегу реки или близ железной дороги»¹⁶. Как видим, Верещагин готов строиться в любом из удобных мест, объясняя в том же письме причину своего нетерпеливого желания: «Горю очень о том, что придется опять уезжать за границу, а главное писать там картины на русские сюжеты. Но что станется делать, не могу подыскать место»¹⁷.

А три дня спустя, уже переписываясь с будущим своим соседом по Нижним Котлам, священником подмосковного Коломенского об обстоятельствах тамошнего житья-бытья, Василий Васильевич вновь напишет Шлякову: «Нет ли высокого места близ Ростово-Переславского шоссе, где проходит железная дорога? Я бы купил тут местечко и устроил бы сходни на чугунок?»¹⁸.

После столь подробного и исчерпывающего знакомства с этими письмами, возникает, в связи с будущей атрибуцией проектного рисунка в Ростовском музее, вопрос, вполне, впрочем, риторический: мог ли Верещагин среди этих лихорадочных, многоадресных и долгое время неудачных поисков составить проект будущего дома в каком-либо конкретном населенном пункте, в котором, к тому же, сразу же не нашлось подходящего для строительства места?

¹⁶ ГАЯО. № 74 по описи Л.Г. и Е.Л. Гузановых

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГАЯО. № 75 по описи Л.Г. и Е.Л. Гузановых.

Письмо от 21 июня 1889 г. содержало последнее по времени упоминание Ростова или его окрестностей в связи со строительством дома-мастерской Верещагина. К этой идее он никогда уже более не вернется. Осенью 1889 г. Василий Васильевич окончательно останавливается на Нижних Котлах, арендовав под будущую усадьбу значительного размера отдаленный от населенных пунктов участок на открытом возвышенном месте неподалеку от Москвы-реки с видом на село Коломенское, с перспективой посадки здесь приусадебного парка с тысячами деревьев и кустарников. Той же осенью в письмах Верещагина к Шлякову из Мезон-Лаффит, вместе с сообщениями о подготовке к строительству, появляется имя архитектора будущей постройки, их общего знакомого Н.В. Никитина – участника, по линии Московского археологического общества, контроля за реставрацией Ростовского кремля и автора знаменитой в истории архитектуры русского стиля сохранившейся до наших дней «Погодинской избы» на Девичьем поле в Москве.

В начале января 1890 г., когда Никитин вместе с Верещагиным заканчивали в Москве обсуждение сметы строительства дома, а в Ростове столяр и резчик Ефрем Базин уже начал изготовление деталей его декора, Верещагин набрасывает на отдельном листе фасадный рисунок с планами задуманного здания и посылает его Ивану Александровичу Шлякову для сведения и дальнейшего обсуждения, вложив согнутый пополам лист с рисунком в конверт с письмом, отправленным в Ростов 8 января 1890 г.¹⁹ Это и был тот самый рисунок – проект постройки в Нижних Котлах, ошибочно отнесенный тридцать шесть лет спустя к Юрьевской слободе. Правильная атрибуция рисунка надежно обоснована письменным свидетельством самого Шлякова в документе, до сих пор не привлекавшем внимания исследователей. В составленной им архивной Описи писем Верещагина, в комментарии к упомянутому письму от 8 января 1890 г., относящемуся строительству дома в Нижних Котлах, читаем собственноручную приписку Шлякова, свидетельствующую, что именно «при этом письме был приложен чертеж дома, набросанный им собственноручно – для дома»²⁰.

Таким образом, утраченный в Ростовском музее рисунок Верещагина представлял собой сделанный в первой декаде января 1890 г. набросок проекта подмосковного дома художника, осуществленного строительством в 1891 г. Об изображении на утраченном рисунке мы можем косвенно судить по старинным фотографиям, в том числе прижизненным, на которых запечатлено это прекрасное здание деревянной архитектуры русского стиля, обладавшее, по определению известного историка архитектуры Е.И. Кириченко, «характерными признаками хоромного строения», в

¹⁹ ГАЯО. № 99 по описи Л.Г. и Е.Л. Гузановых. См. также: Ким Е.В. Верхневолжский цикл В.В. Верещагина и проблемы русского стиля в творчестве художника... С. 235-236; 245-246.

²⁰ ГАЯО. Ф. 673 (а). Л. 1.

чем облике «одновременно присутствовало сходство с русской избой, дворцом царевича Дмитрия в Угличе и с характерными восьмискатными покрытиями новгородско-псковских храмов»²¹. Впрочем, в виртуальную реконструкцию рисунка следует внести одну коррективу на основании ранее неизвестного документа. Как свидетельствует одно из немногочисленных, сохранившихся в Отделе рукописей Третьяковской галереи писем Шлякова к Верещагину, на более позднем этапе строительства Иван Александрович внес отсутствовавшие в первоначальном проекте добавления: «порезку на концах подзоров — как на ишневской церкви» и высокие древнерусской формы печные трубы-«дымники», как на некоторых зданиях Ростовского кремля, для чего посылал художнику чертеж такой трубы²². Так что верещагинский рисунок на стене его кабинета в доме на Ярославской улице, хранимый И.А. Шляковым до конца своих дней, был связан для него с памятью и об этой, не единственной их совместной работе.

Так, исключительно благодаря оставленному Шляковым свидетельству, развеивается очередная местная легенда XX века, на сей раз искусствоведческая, которыми и без того преизлиху изобилует историография Ростова и его культуры.

И в заключение, по необходимости кратко — о дальнейших поисках рисунка Верещагина и относящихся к нему документов. Удалось установить, что в 1933 г. он еще хранился в фондах Ростовского музея и тогда же был включен в список произведений, передаваемых в головной по отношению к Ростовскому Ивановский областной музей, однако передан не был²³. В период между 1933 и 1952 гг. он оказался, деликатно выражаясь профессиональным языком, утраченным, т.е., попросту говоря, съеденным мышами, выброшенным, уничтоженным или украденным. В счастливом же случае — невыявленным, как это произошло с целым рядом вещей, списанных когда-то по актам и ордерам, а затем благополучно обретенных в процессе обработки фондов уже в наше время. Учитывая малые размеры рисунка, в случае извлечения его из рамы и ввиду отсутствия на нем авторской подписи и комментария к изображению непосредственно на его листе, он мог оказаться неузнанным и легко затеряться, случайно попав в папку или связку с непрофильными документами, в книгу, журнал, кипу бумаг и т.д. Поэтому шанс на его находку в музее, хотя и не велик, но, на наш взгляд, вполне вероятен.

²¹ Кириченко Е.И. Эскиз фасада здания Верхних торговых рядов на Красной площади в Москве В.В. Верещагина... С. 205.

²² ОР ГТГ. Ф. 17. № 1178.

²³ Ким Е.В. В.В. Верещагин в Ростове (факты, гипотезы, домыслы) // СРМ. Вып. XVI. Ростов, 2006. С. 436, 456.